

С. И. Муртузалиев

ОТКАЗ РОССИИ ОТ ПОЛИТИКИ «БЕЗУСЛОВНОГО НЕЙТРАЛИТЕТА» ПЕРЕД РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНОЙ 1877–1878 гг.

Начиная с лета 1876 года, действия российской дипломатии на Балканах становятся все более определенными. Если прежде Россия выступала против «всякого рискованного поступка» и верила в возможность мирного разрешения балканского конфликта, то теперь петербургский кабинет фактически отступает от своей прежней системы «безусловного нейтралитета». Правительство России, зная о широкой поддержке русской общественностью движения славян, покровительствовало ему, но только тайно, так как не желало обострять отношения с европейскими державами. 27 июля (8 августа) 1876 года Александр II объявил о разрешении русским офицерам выходить в отставку и отправляться на Балканы с правом возвращения впоследствии на российскую службу с сохранением старшинства в чине¹. Но официально, перед Европой, желая сохранить верность Союзу трех императоров, правительство России заявляло о своей непричастности к этому движению, порицало действия М. Г. Черняева в Сербии, в которой отставной русский генерал возглавил действующую сербскую армию и куда вслед за ним отправилось около пяти тысяч русских добровольцев, офицеров и солдат, принявших участие в сражениях против Османской империи. Генерал планировал осуществить вторжение в Болгарию, занять Софию и пополнить там армию за счет добровольцев-болгар. План этот сразу же провалился, так как Черняев не справился с руководством своим импровизированным войском².

В Петербурге так называемая «партия действия» настаивала на активном вмешательстве России в балканские дела. Военный министр Д. А. Милютин, поддерживавший на первом этапе Восточного кризиса примирительную тактику правительства, теперь встал на сторону «партии действия», хотя и считал, что Россия поставлена в весьма трудное положение. Группа сторонников Александра II, куда входили А. М. Горчаков, Е. П. Новиков, П. Н. Стremoухов и другие, продолжала придерживаться политики европейского единства. Следует отметить, что подобное положение сохранялось довольно долго. «По восточным делам продолжается крайняя неопределенность направления», – записал 25 марта 1877 года П. А. Валуев, председатель комитета министров³.

Официальная Россия к войне не была готова. Но отход от политики строгого нейтралитета намечился уже в чешском Рейхштадтском замке, где 26 июня (8 июля) 1876 года состоялась встреча двух императоров – Александра II и Франца Иосифа и их министров – Горчакова и Андраши. Целью России в этой встрече было стремление не допустить возможного сближения Австро-Венгрии и Великобритании и заручиться поддержкой Вены на случай обострения ситуации на Балканах. В ходе переговоров обе стороны втайне от других государств договорились о том, что в случае распада Османской империи Болгария становится независимым княжеством. Если же победит Порта, то участницы рейхштадтской встречи будут настаивать на реформах, предложенных в ноте Андраши от 30 декабря 1875 года и Берлинского меморандума. Результаты переговоров не были закреплены сторонами в соответствующем официальном

протоколе, и, кроме того, в русской и австрийской записях имелись расхождения в тех пунктах, где речь шла о территориальных изменениях на Балканах. Особо следует подчеркнуть тот факт, что здесь Австро-Венгрия впервые раскрыла свои карты, заявив о своих притязаниях на территории поработанных Портой славянских государств. Такая формулировка представляется А. А. Улуяну более точной и более соответствующей истине, чем употреблявшиеся ранее в исторической литературе слова «притязания на территорию Порты»⁴.

Между тем ход военных действий на Балканах явно не отвечал завышенным ожиданиям и сторонников, и противников русско-турецкой войны. Успехи турок в войне с Сербией и Черногорией усилили влияние феодально-клерикальной группировки внутри турецкого правительства, требовавшей продолжения борьбы с повстанцами и конституционным движением, поддерживаемым, как считала эта группировка, западными державами. В сентябре 1876 года правительство Англии предложило европейским странам заставить Порту заключить с восставшими перемирие и созвать в Стамбуле «Константинопольскую конференцию» для обсуждения Восточного вопроса. Предложение приняли все европейские правительства, в их числе и Россия. Но султан Абдул-Гамид II отказался от созыва конференции, предложив заменить краткое, четырехшестинедельное перемирие длительным, шестимесячным. Англия, Австро-Венгрия и Франция согласились принять условия Турции, но Россия их отвергла, справедливо считая, что длительное перемирие позволит Порте завершить разгром балканских повстанцев, а также расправиться со сторонниками конституции из числа так называемых «новых османов», подготовивших проект реформ. В целях воздействия на Порту Россия предложила занять Болгарию русскими войсками, Боснию – австрийскими, а соединенной англо-русско-австрийской эскадре произвести демонстрацию морских сил на Босфоре⁵. Это предложение России западные правительства отвергли.

Поскольку в небольшой статье невозможно рассмотреть все аспекты политики держав в отношении многочисленных и разрозненных народов Балканского полуострова, главным объектом нашего внимания будет Болгария.

Подчеркивая тот факт, что Россия встала на защиту населения Балканского полуострова, А. М. Горчаков отмечал: «Мы хотим избежать изолированных действий, но мы не можем примкнуть к коллективным действиям, лишенным достоинства, правдивости и действенности»⁶. Пользуясь поддержкой «партии действия», считавшей, что следует начать подготовку к войне, Д. А. Милютин стал объезжать и осматривать черноморские крепости, следить за строительством батарей, давать распоряжения командиру Кавказского корпуса готовиться к войне без расчета на союзников, сосредоточив внимание на кавказско-турецкой границе⁷. В середине сентября 1876 года в письме к министру финансов М. Х. Рейтерну он писал: «Дипломатические отношения по Восточному вопросу принимают такое направление, которое может поставить Россию в необходимость взяться за оружие, вопреки всем усилиям дипломатии устранить прискорбную эту необходимость»⁸. Войска Одесского, Киевского и Харьковского военных округов получили распоряжения о подготовке к мобилизации.

В сентябре 1876 года в Варшаве, где находились проездом в Ливадию Александр II и А. М. Горчаков, последний поставил генерал-фельдмаршалу Мантейфелю (прислан для переговоров германским правительством) прямой вопрос о планах Германии в случае неудачи мирного решения балканского конфликта и возможности войны. Фельдмаршал вынужден был ответить, что Германия займет такую же позицию, что и Россия в 1870 году⁹.

В сентябре – начале октября 1876 года в Ливадии (Крым) Александр II провел ряд совещаний, на которых рассматривались вопросы, связанные с балканскими событиями. Кроме императора на них присутствовали: наследник престола, А. М. Горчаков,

Д. А. Милютин, Н. П. Игнатъев, М. Х. Рейтерн и министр двора А. Г. Адлерберг. М. Х. Рейтерн выступил против войны. 3 (15) октября он подал записку, в которой убеждал императора отказаться от вмешательства в балканский кризис по соображениям финансовой экономии¹⁰. Александр II не согласился с выводами министра, расценив их как осуждение своего 20-летнего правления. По словам Н. К. Гирса (управляющий Азиатским департаментом и товарищ министра иностранных дел в 1875–1882 гг.), Александр II был настолько возмущен, что швырнул «эту записку через стол Рейтерну, говоря, что теперь нужны не записки, а дела»¹¹. Реакция императора явно свидетельствовала об изменении его недавно миролюбивых настроений. Там же в Ливадии сторонником военного вмешательства в конфликт был только Д. А. Милютин, но именно его доводы возобладали над другими. Министр изложил чисто военную сторону вопроса, а именно: сроки возможной мобилизации армии и время, необходимое для продвижения к турецкой границе. Обратившись к политическим проблемам, он предложил в случае срыва конференции в Стамбуле определить «цель и предмет военных действий». Верно оценивая обстановку, Милютин считал войну реальным фактом, в которой против России будет не одна Турция¹².

В итоге обсуждения было принято решение о самостоятельных действиях России, хотя Горчаков еще надеялся договориться с союзниками. 28 октября Россия предъявила Турции ультиматум о немедленном выводе ее войска из Сербии и тем самым фактически спасла Сербию от турецкой оккупации. Именно в это время в Ливадии были приняты такие важные решения как: 1) создать болгарское ополчение как ядро будущей болгарской армии; 2) начать частичную мобилизацию в российскую армию; 3) принято решение о так называемой «Московской речи»¹³.

В данном случае имеется в виду тот факт, что 29 октября (10 ноября), приехав в Москву, Александр II выступил с публичным заявлением, которое было ответом на недвусмысленные угрозы британского премьер-министра. 1 (13) ноября 1876 года была объявлена частичная мобилизация русской армии – это явилось прологом новой войны. 23 ноября царь одобрил предложение о формировании болгарского ополчения. Интересно отметить, что до описываемых событий Третьему отделению было поручено провести опрос почти во всех губерниях России об отношении населения к войне за освобождение славян на Балканах. И именно 13 ноября Н. Мезенцев представил подробный доклад, в котором указывалось, что наибольшее сочувствие к балканским братьям выразило русскоязычное население – от 93 до 98%¹⁴. Объявив частичную мобилизацию русской армии, Александр II уже не мог отступить. Единственным условием мирного завершения кризиса становился успех Константинопольской конференции послов России, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Франции и Англии, созванной по инициативе Петербурга. Она проходила с 23 декабря 1876 по 20 января 1877 года. Игнатъев вновь был направлен в Стамбул. На этот раз его задача заключалась в том, чтобы добиться от султана Абдул-Гамида II созыва конференции в Стамбуле, а в случае отказа султана Игнатъеву предписывалось выехать из Стамбула. При таком исходе переговоров войну предполагалось начать немедленно, с тем, чтобы Турция не успела собрать новые силы. Через Игнатъева султану предлагалось в двухдневный срок подписать шестинедельное или двухмесячное перемирие. В противном случае Россия пригрозила разрывом дипломатических отношений. Решительность демарша Петербурга вынудила Абдул-Гамида принять российские условия и согласиться на созыв конференции в Стамбуле.

Целью конференции должна была стать выработка реформ для нетурецкого населения Балканского полуострова и установление гарантий их выполнения Турцией. Приняв решение воевать в случае противодействия Порты и западных правительств, Александр II публично заявил об этом в Большом Кремлевском дворце: «Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Но если же оно не состоится и я увижу, что мы

не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от Порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно...»¹⁵.

В конце ноября 1876 года в Стамбуле собрались представители вышеуказанных стран. В переговорах принимали также участие представители Румынии. Россия была представлена Н. П. Игнатьевым. До начала официальных заседаний примерно около полумесяца делегаты западных правительств под председательством российского посла, избранного ими старшиной, совещались в посольстве России об условиях мира с Турцией, проект которого был разработан в России. Заметим, что еще во время предварительных совещаний, проходивших под председательством Н. П. Игнатьева и без участия турецкого представителя, русскому послу удалось добиться единогласного принятия программы реформ на основе принципа минимального вмешательства во внутренние дела Османской империи. Согласно принятой программе три провинции должны были получить статус автономных: 1) Восточная Болгария; 2) Западная Болгария (включая Македонию); 3) Босния и Герцеговина (объединенные в одну провинцию). В автономиях планировалось учредить местное управление и полицию по принципу конфессионально-пропорционального представительства, которые должны были действовать под контролем назначенного державами комиссара¹⁶. Вопросы в отношении Сербии и Черногории решались иначе.

В более подробном изложении и интересующем нас аспекте рассматриваемый вопрос может быть раскрыт следующим образом. Русская дипломатия прибыла на конференцию с проектом Церетелева-Скайлера, предусматривавшим будущее автономное устройство Болгарии. При составлении проекта во внимание были приняты программы будущего государственного устройства Болгарии, разработанные самими болгарами. По словам составителей, с политической точки зрения проект представлял «ту выгоду, что соединение всех болгар в одну область послужит укреплению и развитию этого народа, а... широкое местное самоуправление даст удовлетворение туркам и грекам в смешанных округах». Вместе с тем составители проекта считали, что «образование из Болгарии вассального княжества с иностранным правителем во главе гораздо более соответствовало бы потребностям Болгарии». Принимая во внимание политическую сложность конфликта и учитывая «теперешнее состояние страны», составители считали, что на данном этапе необходима «административная автономия» болгар с «твердым и энергичным правительством, немислимым при децентрализации»¹⁷.

Заслуживает внимания тот факт, что, направляя проект Церетелева-Скайлера А. М. Горчакову, Игнатьев приложил и свой проект-минимум, который он хотел иметь в запасе, в случае отказа конференции принять проект Церетелева-Скайлера. Согласно проекту Игнатьева, Болгарию следовало разделить на две провинции или вилайета. Несмотря на разногласия делегатов, Игнатьеву удалось добиться единства держав по вопросу предоставления автономии Болгарии, Боснии и Герцеговине. В декабре 1876 года были выработаны общие условия мира, по которым территория Болгарии, простиравшаяся до Эгейского моря, разделялась на две части – Восточную со столицей в Тырново и Западную со столицей в Софии, причем обе области получали местную администрацию и свободу вероисповедания.

Раскрывая действительную цель проекта, Игнатьев писал: «Иерархия османской администрации здесь сохранена лишь для формы, что представляет ту выгоду, что она щадит шепетильность греков и устраняет возражения, которые могли бы возникнуть по поводу нашего желания создать одно большое автономное княжество. В действительности этот проект дает, однако, полную автономию казам или кантонам, совершенно отстраняет османских чиновников, назначенных Портой, от администрации, допускает местную милицию и все необходимые предпосылки для подготовки создания

политически автономного государства в более или менее недалеком будущем»¹⁸. Как в первом, так и во втором проекте, по словам Игнатьева, были учтены пожелания болгарской общественности.

Франция и Италия согласились с русскими предложениями. Австро-Венгрия и Германия соглашались только с теми пунктами, которые не расходились с условиями, внесенными ранее Австро-Венгрией. Наиболее непримиримую позицию заняла Англия. Дизраэли направил в Стамбул английскому представителю на конференции Солсбери, первоначально склонявшемуся к соглашению с Россией, специальную инструкцию, предостерегавшую его против принятия каких-либо мер принуждения по отношению к Османской империи, на чем настаивала русская сторона.

Турецкие историки отмечают, что в результате мастерского маневра Игнатьева «Османская империя осталась один на один с Россией», а восстания и кризисы в Болгарии, Боснии-Герцеговине и «переговоры о судьбе империи представителей великих держав, съехавшихся в Стамбул, с требованиями реформ, их попытка диктовать важные решения, вплоть до территориальных уступок (конференция в Терсане, декабрь 1876 г.), свидетельствами о том, что на горизонте замаячила» угроза новой русско-турецкой войны¹⁹.

Представителей Турции на консультационную встречу держав не допустили. Это вызвало в Стамбуле недовольство, и 19 декабря 1876 года «новые османы» при поддержке офицерства и софтов (учащиеся исламских семинарий) добились падения кабинета Мехмеда Риштию. В тот же день султан назначил великим визирем Мидхат-пашу, убежденного сторонника конституционного преобразования Турции в современное государство. Своему назначению Мидхат-паша обязан содействию английского посла Г. Элиота, посоветовавшего султану именно его кандидатуру. Сделано это было для создания благоприятной для Турции внешнеполитической обстановки. Султан пошел на уговоры Мидхат-паши и 23 декабря подписал «Канун-и Эсаси» (Основные законы), по которым провозглашалось равенство всех подданных Блистательной Порты. На разработку конституции ушло менее месяца.

Эта спешка имела под собой внешнеполитические основания. Главным в документе была статья 1-я, провозглашавшая, что Османская империя является «нераздельным целым» и ни одна часть этого целого не могла быть отторгнута ни по какой причине. Особо следует отметить и тот факт, что накануне официального открытия Константинопольской (Стамбульской) конференции великий визирь получил письмо министра иностранных дел Великобритании лорда Э. Дерби, уверявшего, что Лондон не поддержит действий против Турции. А Элиот убеждал султана, что согласие европейских держав кажущееся и что ни одна из них, за исключением России, не решится перейти от слов к делу, чтобы принудить Турцию принять требования держав²⁰.

11 (23) декабря 1876 года начался новый этап в работе конференции. В ее заседании принял участие министр иностранных дел Османской империи Савфрет-паша (Савфат-паша), которому был предъявлен проект мира с княжествами. Чтение текста документа, составленного великими державами, было прервано пушечными залпами турецких кораблей, стоявших в гавани Золотой Рог. Савфрет-паша объявил: «Господа, этот выстрел обозначает милость султана, даровавшего конституцию, которая гарантирует всем гражданам империи права и конституционные вольности. Я полагаю, что ввиду этого великого события наши труды становятся излишними»²¹. В дарованной султаном конституции (разработанный Мидхатом проект был видоизменен султаном) торжественно провозглашалось равенство и свобода христиан с мусульманами без различия веры²². Наряду с этим конституция обещала обеспечить безопасность собственности и пропорциональное налогообложение всех подданных, которые без различия национальности объявлялись «османами». Последнее означало, что конституция от-

казывала нетуркам-христианам в национально-религиозной идентичности. Депутаты также представляли не округа, где они баллотировались, а всех «османов». Государственным языком признавался турецкий язык, а государственной религией – ислам. Эти статьи были квалифицированы участниками конференции как не дающие серьезных гарантий христианскому населению Османской империи²³.

Подобной точки зрения придерживались и руководители немусульманских конфессий. На следующий день после принятия и обнародования конституции Мидхат-паша посетил греческого патриарха и армянского католикоса, хотя обычно они сами должны были посетить великого визиря. Мидхат-паша заверил религиозных лидеров в том, что при этом конституционном режиме представители всех вероисповеданий будут рассматриваться как равные. Греческий патриарх в ответ заявил: «Мы считаем, что Вы воскресили Османскую империю»²⁴.

Ссылаясь на широкий характер конституции, турецкие представители отказывались обсуждать вопрос о положении в балканских провинциях. Савфрет-паша заявил, что не может принять предложения конференции, поскольку, согласно конституции, будут проведены необходимые реформы. Таким образом, под руководством английской дипломатии работа Константинопольской конференции была сведена на нет²⁵. Переговоры в Стамбуле о гарантиях со стороны Порты в проведении обещанных реформ продолжались в течение месяца.

8 (20) января 1877 года на заключительном совещании конференции выступил глава русской делегации Н. П. Игнатъев, закончивший свою речь словами: «Некоторые османские министры пользовались своим большим влиянием для возбуждения страстей против разумных и бескорыстных решений Европы. Я искренне желаю, чтобы министрам этим не пришлось вскоре горько раскаяться в системе, которой они держались»²⁶. После бесплодных дискуссий конференция закрылась. 27 января 1877 года Игнатъев покинул Стамбул, за ним последовали послы других стран. По настоянию европейских правительств султан Абдул Хамид II согласился лишь на месячное перемирие. Главной причиной срыва конференции явились противоречия между европейскими державами и политика Турции, не желавшей считаться с требованиями восставших.

С провалом Константинопольской конференции официально закончился и мирный период развития Восточного кризиса. Российское правительство не верило в реальность сделанных султаном обещаний. Своей политикой Порты доказывала правильность предположений российских дипломатов. Денежные и натуральные поборы с христианского населения Балканского полуострова не уменьшались. Грабежи и насилия турок в Болгарии продолжались, обещания, данные Румынии по расширению ее автономии, не проводились в жизнь. В этих условиях русско-турецкая война становилась неизбежной. На вмешательстве в дела восставших балканских народов настаивало русское общество, особенно панславистские круги, выступавшие за объединение славян под скипетром российского царя.

Опасаясь создания антирусской коалиции, Петербург вновь обращается к Австро-Венгрии, добиваясь ее нейтралитета в войне. В результате продолжительных переговоров 3 (15) января 1877 года в Будапеште была подписана секретная русско-австрийская конвенция, по которой правительство Австро-Венгрии обязывалось соблюдать по отношению к России позицию «доброжелательного нейтралитета» и, «насколько это будет от нее зависеть», парализовать путем дипломатического воздействия попытки вмешательства или коллективного посредничества, которые могли бы предпринять другие державы. Это положение конвенции имело важное значение не только для России, но и для балканских народов, так как предоставляло известные гарантии от враждебного вмешательства правительств Запада. В марте между Россией и Австро-Венгрией была заключена

дополнительная конвенция, подтверждавшая условия Рейхштадтского соглашения (см. выше) и главное его положение – отказ от создания большого славянского или иного государства²⁷.

Обе стороны договорились в случае начала военных действий не распространять территориальные компенсации: Россия – на Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину; Австро-Венгрия – на Болгарию, Сербию, Румынию и Черногорию. В результате войны Болгария (т. е. Дунайская Болгария), Румелия (т. е. Забалканская Болгария) и Албания должны были получить статус независимых государств. Кроме того, предусматривалась возможность преобразования Стамбула в вольный город²⁸. Это были весьма тяжелые условия, но петербургская дипломатия попыталась еще раз избежать военного решения. Канцлер А. М. Горчаков до последнего дня надеялся на благоразумие западной дипломатии в урегулировании кризиса. Российскому послу в Лондоне П. А. Шувалову канцлер писал: «Мы никогда не прекратим наших усилий, направленных на достижение общего согласия великих держав, как единственной гарантии мирного разрешения восточных затруднений»²⁹.

Поскольку усилия российской дипломатии по мирному урегулированию Восточного вопроса не дали положительных результатов, правительство отказалось от тактики А. М. Горчакова на примирение восставших с султаном. «Интересы торговые, промышленные, финансовые и даже нравственные, – писал Н. П. Игнатьев, – требуют безотлагательного установления ясной и положительной программы, которая вывела бы Россию из выжидательного положения с честью и достоинством»³⁰.

После подписания русско-австрийской конвенции в Будапеште по инициативе канцлера петербургский кабинет предпринял еще одно усилие, чтобы дипломатическими средствами заставить Турцию начать реальное проведение в жизнь обещанные балканским народам реформы. С этой целью в феврале 1877 года со специальной миссией (под предлогом лечения) в столицы Европы был направлен Н. П. Игнатьев. Ему поручалось склонить правительства Запада к подписанию соглашения, подтверждавшего выработанные ранее в Стамбуле условия мира автономных балканских княжеств с Турцией. Австро-Венгрия и Германия поддержали русский проект, одобрила и Франция. Получив согласие в Вене и Париже, Н. П. Игнатьев направился в Лондон, но Англия согласилась подписать протокол лишь после демобилизации русской армии. Газета «Новое время» охарактеризовала это требование Англии как начало «более крупных осложнений», как враждебный акт против России³¹.

После отъезда Н. П. Игнатьева из Лондона переговоры с Англией продолжал российский посол П. А. Шувалов. Они завершились подписанием 31 марта 1877 года так называемого Лондонского протокола, рекомендовавшего Порте провести реформы в Болгарии, Боснии и Герцеговине, предложенные участниками Константинопольской конференции. Обе державы «приняли к сведению» заключенный между Турцией и Сербией мирный договор от 16 февраля 1877 года и начавшиеся переговоры с Черногорией. К протоколу были приложены две декларации. В одной из них, составленной Шуваловым, говорилось, что если Турция прекратит военные действия и приступит «на деле» к проведению реформ, то Россия начнет переговоры с турецкими уполномоченными о «разоружении» обеих сторон. Но если Порта будет упорствовать и повторится избиение, имевшее место в Болгарии (имеется в виду подавление Апрельского восстания), то меры к разоружению будут приостановлены³². В другой декларации, написанной английским министром иностранных дел Э. Дерби, указывалось, что Англия стоит за умиротворение на Востоке, но если в ближайшее время Россия и Османская империя не разоружатся, то Англия будет считать протокол аннулированным. Султан Абдул Хамид II, поддержанный Англией, 10 апреля отверг Лондонский протокол, рас-

ценив его как вмешательство во внутренние дела. Он отдал распоряжение немедленно провести новый выпуск ассигнаций на сумму около 10 млн турецких лир, призвать на действительную службу из запаса около 120 тысяч человек, а находившуюся в Мраморном море эскадру поставить на якорь у входа в Босфор³³.

Эти действия свидетельствовали о том, что в Стамбуле окончательно победила группировка, стремившаяся к войне, в составе которой было много проанглийски настроенных лиц. В беседе с корреспондентом английской газеты Мидхат-паша заявил: «Султан ни за что бы не отвергнул предложение держав и не стал бы рисковать войной с Россией, если бы не рассчитывал конфиденциально на поддержку со стороны Англии»³⁴. В результате подобных действий Порты разрыв между Россией и Турцией стал неизбежным.

Подводя итоги, следует отметить, что мирный период Восточного кризиса имел место, когда российское правительство в силу экономической слабости и опасения создания враждебной России коалиции воздерживалось от активных действий в пользу восставших. Кровавая резня в Болгарии, Сербии и Черногории, требования русского общества усилить помощь славянам заставили петербургский кабинет изменить тактику. Еще не порывая с Союзом трех императоров, Россия предприняла усилия по вовлечению правительств Европы в борьбу на стороне повстанцев. Отказ Порты выполнить требования держав о проведении реформ на Балканах явился поводом к началу русско-турецкой войны.

Характеризуя в общих чертах политическую обстановку и дипломатическое противоборство в рассматриваемом регионе следует подчеркнуть тот факт, что, играя на противоречиях западных держав, Порта задерживала проведение в жизнь обещанных реформ по уравниванию прав христиан с мусульманами. Христианское население, как и раньше, не имело прав на владение земельной собственностью; христиан не призывали в армию, но они в обязательном порядке платили налог «бедель» за освобождение от несения военной службы. Более того, в 1874–1875 годах Порта перешла к экономическому наступлению на христиан.

Особенностью нового витка обострения восточного кризиса была его масштабность и глубина национально-освободительной борьбы. В 1870-х годах в силу целого ряда причин Восточный вопрос приобретает особую остроту, вызванную, прежде всего, экономическим и политическим ослаблением Турции, чем тут же воспользовались западноевропейские страны. Открытие Суэцкого канала (1869) обострило борьбу между европейскими державами за установление своего контроля над Османской империей и в регионе в целом.

Российская дипломатия предпринимает попытки воспользоваться противоречиями Запада (особенно между Англией и Францией) для восстановления своего влияния на Балканах. Однако последствия Крымской войны, внутренняя слабость и нестабильность в стране не позволяли России бороться за контроль над проливами Босфор и Дарданеллы, поэтому одним из путей ее проникновения на Балканы являлась поддержка национально-освободительных движений христианских нетурецких народов. Докладывая царю о внешней политике России в период с 1856 по 1867 годы, А. М. Горчаков писал: «Рано или поздно христиане спросили бы у нас отчета за их напрасно пролитую кровь. Императорский кабинет таким образом счел, что единственная линия поведения – оставить свободу действий христианам Востока на собственный страх и риск, уведомив их при этом, что им не следует надеяться на какую-либо непосредственную материальную помощь нашей страны». Россия, по мнению канцлера, могла оказывать христианам только моральную поддержку³⁵.

Особо следует сказать о том, что российское правительство очень долго не имело общего плана действий на Востоке: среди дипломатов, политиков и «государственных мужей» дискутировались вопросы о тактике и выборе союзников. Н. П. Игнатьев,

наследник престола великий князь Александр Александрович, великий князь Константин Николаевич были сторонниками более решительных действий. Игнатъев вообще сомневался в целесообразности тесного союза с Австро-Венгрией. Пользуясь своим влиянием на султана, он первоначально рассчитывал развязать балканские осложнения через прямое общение с Абдул-Азизом. Взгляды Игнатъева разделял и представитель России в Рагузе (Дубровник) А. С. Ионин, «не доверявший Австро-Венгрии и призывавший действовать самостоятельно»³⁶. Император Александр II и А. М. Горчаков наоборот, опасаясь повторения «Крымской ситуации», проводили примирительную тактику, действуя в союзе с Австро-Венгрией и Германией. Министр иностранных дел предпочитал в эти годы информации Игнатъева донесения российского посла в Вене Е. П. Новикова, сторонника русско-австрийского союза.

Таким образом, в решении балканской проблемы в целом и болгарской в частности в российской дипломатии столкнулись две тактики, которые В. М. Хевролина справедливо характеризует следующим образом: осторожный курс А. М. Горчакова, направленный на проведение реформ в христианских провинциях Османской империи с помощью европейских держав, и курс Игнатъева, с одной стороны, рассчитывавшего на освобождение балканских народов путем объединения их сил в антиосманских восстаниях, с другой, предлагавшего реализацию реформ путем прямых переговоров с Турцией без участия Европы³⁷. Но ни планам Горчакова, ни проектам Н. П. Игнатъева не суждено было сбыться.

Сложившаяся ситуация в рассматриваемое время характеризуется тем, что в 70-х годах XIX века обостряются русско-английские отношения, усиливаются позиции Великобритании на Ближнем Востоке, о чем, например, сообщал Н. П. Игнатъев: «Экономическое влияние Англии влекло за собой и политическое, антирусское по своей направленности»³⁸, и писал К. Маркс: «Англия господствовала над мировым рынком»³⁹.

Дизраэли выступил с речью, в которой осудил агитацию Гладстона, настраивавшего общественное мнение против «отвратительного Турка» и требовавшего лишить турок права отправлять исполнительную власть в Болгарии как «непатриотическую», наносящую ущерб долговременным интересам Англии и фатальную для судеб мира и Европы. Лорд Кинросс пишет, что в день вступления в должность лорд-мэра Лондона Дизраэли произнес впечатляющую речь в пользу независимости Турции и против «тех ужасных призывов к войне», которые исходили из России⁴⁰. Франция после окончания франко-прусской войны теряет свои политические и экономические позиции в Османской империи, уступая их Австро-Венгрии и Германии. Созданная на прусской основе Германская империя после победы над Данией (1864), Австрией (1866) и Францией (1870) в сравнительно короткое время приобрела большое значение в «европейском концерте». Образование Германской империи толкало правительства Франции и России к сближению, их объединяло желание подорвать монопольную власть Германии и восстановить «равновесие» в Европе. Однако русско-французские контакты тогда не привели к союзу. Австро-Венгрия после завершения австро-прусской и франко-прусской войн утратила свои позиции в Центральной Европе; и тогда основным направлением австрийской политики становятся Балканы, которые приобрели не только экономическое, но и стратегическое значение. Активное проникновение Германии в Османскую империю происходило одновременно с австро-венгерским продвижением на Балканах и усилением русско-австрийских противоречий, что существенно влияло на изменение характера отношений России с Турцией⁴¹.

В 1872–1873 годах Россию, прежде всего, интересовал Восточный вопрос. Австро-Венгрия, опираясь на поддержку Германии, намеревалась подчинить балканские народы своим интересам и ослабить влияние России, добывавшейся от Австро-Венгрии заверения не вмешиваться во внутренние дела христианских народов Турции⁴². В данном слу-

чае попытка не удалась, и Россия вынуждена была признать за Австро-Венгрией права на влияние в славянских землях Турции, которые до тех пор ревниво оберегала Россия.

Германия стремилась изолировать Францию и добиться общего руководства европейской политикой. По мнению начальника главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова, Россия союзом с Пруссией дала последней достигнуть всего, а сама осталась «ни при чем»⁴³. И, как показали дальнейшие события, он оказался прав. Разногласия между союзниками были столь очевидны, что Российская империя меньше других участников соглашения могла воспользоваться его преимуществами.

В отечественной историографии обоснованно отмечается, что Союз трех императоров существенно не смог изменить вектор восточной политики Петербурга. При всех расхождениях и противоречиях в Союзе в период с 1873 по 1875 годы он служил своего рода стержнем мировой политики, вокруг которого строились взаимоотношения государств Европы. Но Союз не смог принести «успокоение» на Балканы, примирить балканские народы с политикой османской Порты. Уже в 1874 году весьма ощутимо проявились симптомы нового назревания Восточного кризиса⁴⁴, во многом обусловленного обострением экономических и социально-политических проблем в Османской империи.

В условиях острой внутривосточной борьбы Порты считала, что действенным, если не единственным средством решения этих проблем является борьба с национально-освободительным движением на Балканах, которая велась ею под лозунгом сохранения единства Османской империи. Подобные акции с использованием идеи «общеимперского патриотизма» призваны были переключить внимание передовых слоев общества от конституционалистских проектов и укрепить власть султана над нетурецким населением⁴⁵.

В годы противоборства России с Османской империей, близость России с южными славянами и поддержка борьбы балканских народов против национального угнетения позволяла ей восстановить утраченные позиции на Востоке, ослабить влияние стран Запада, изменить обстановку на Балканах. Эти действия России, отвечавшие интересам балканских народов, но ослаблявшие Османскую империю, встречали противодействие западных держав, а также лидеров турецкого конституционного движения, использовавших антирусскую пропаганду в борьбе против возглавившего правительство великого визиря Махмуд Недим-паши (1871–1876), ориентировавшегося в своей политике на Россию⁴⁶.

Таким образом, Балканский кризис, обострение Восточного вопроса и выступления российской общественности оказали существенное влияние на политику, проводимую Россией на Балканах, и в частности в Болгарии. Приведенный выше материал позволяет сделать вывод о том, что в рассматриваемый период времени отношение российской дипломатии к проблемам болгарского народа было далеко неоднозначным. Напомним, что в политических планах России вопрос о предоставлении Болгарии независимости впервые был поставлен в период подготовки русско-турецкой войны 1853–1856 годов. «Болгарский вопрос» то «притягивал» внимание Петербурга, то «терялся» в общевосточных проблемах. Но по мере обострения борьбы болгар за автокефалию своей церкви, разрастания национально-освободительного движения, апогеем которого стало Апрельское восстание, жестоко подавленное турками, привлекли внимание и искреннее сочувствие самых различных слоев российского общества. Считаем, что этот фактор оказал весьма значительное влияние на дипломатическую политику российского правительства, в стратегических планах которого Болгария начинает фигурировать все чаще. Отношение российской дипломатии к «Болгарскому вопросу» постепенно приобретает все более зримые и четкие очертания.

Особо отметим, что политика российского правительства переходит от «осторожной» (Горчаковской) позиции по балканской проблеме к «решительной» (Игнатьевской). Явным рубежом в резком переломе позиций стало Апрельское восстание 1876 г.

- ¹ Кузьмичева, Л. В. Русские добровольцы в сербско-турецкой войне 1876 г. – В: Россия и восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981, 80–81.
- ² Кузьмичева, Л. В. Благими намерениями... (Сербский вопрос на заключительном этапе русско-турецкой войны 1877–1878 гг.). – В: Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. М., 2006, с. 92.
- ³ Валуев, П. А. Дневник. В 2-х т. Т. 2. М., 1961, с. 349.
- ⁴ Улунян, А. А. Россия и Освобождение Болгарии от турецкого ига. 1877–1878 гг. М., 1994, с. 64.
- ⁵ Мартенс, Ф. Восточная война и Брюссельская конференция 1874–1878 гг. СПб., 1879, с. 201.
- ⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. сборник документов. В 3-х т. Т. 1, М., 1961, с. 418.
- ⁷ Милютин, Д. Дневник. В 3-х т. Т. 2. М., 1949, 438–439.
- ⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1, с. 396.
- ⁹ АВПРИ, ф. Отчеты МИД. 1876, л. 103 об. – 104.
- ¹⁰ Милютин, Д. Указ. соч., с. 93.
- ¹¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцева. Т. 2. М., 1966, с. 187.
- ¹² Милютин, Д. Указ. соч., с. 92.
- ¹³ Кузьмичева, Л. В. Благими намерениями..., 92–93.
- ¹⁴ Павловска, Цв. Император Александър II – в действащата армия през руско-турската освободителна война (1877–1878 г.). – В: България и Русия между признателността и прагматизма. Тезиси на доклади Международна научна конференция. София, 28 февруари – 1 март 2008 г. С., 2008, 41–42.
- ¹⁵ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Вып. 1, с. 32.
- ¹⁶ Айрапетов, О. Внешняя политика Российской империи 1801–1914 гг. М., 2006, 317–318.
- ¹⁷ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1, с. 489.
- ¹⁸ Там же, с. 496.
- ¹⁹ История Османского государства, общества и цивилизации. В 2 т. Т. 1. М., 2006, с. 79.
- ²⁰ Муратов, Х. И. Османская империя. – В: Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1. М., 1940, с. 427.
- ²¹ Цит. по: Миллер, А. Ф. Краткая история Турции. М.-Л., 1948, с. 95.
- ²² Петросян, Ю. А. Младотурецкое движение. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 1971, 92–93.
- ²³ Кузнецов, В. С. Абдул-Хамид II. – Вопросы истории, 2006, № 4, 49–50.
- ²⁴ Цит. по: Кинросс, Лорд. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999, с. 559.
- ²⁵ Улунян, А. А. Указ. соч., с. 66.
- ²⁶ Санкт-Петербургские ведомости, 1877, 2 января.
- ²⁷ Русско-германские отношения. Секретные документы. М., 1922, 53–61.
- ²⁸ История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997, с. 189.
- ²⁹ Отечественные записки, 1876, № 6, с. 97.
- ³⁰ Цит. по: Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII в. – начало XX в. М., 1978, с. 212.
- ³¹ Новое время, 1877, 13 марта.
- ³² Восточный вопрос во внешней политике России ..., 212–213.
- ³³ Гейсман, П. А. Введение в историю русско-турецкой войны 1877–1878 гг. СПб., 1906, с. 58.
- ³⁴ Цит. по: Муратов, Х. И. Роль Англии в «восточном кризисе» (Английская дипломатия и русско-турецкая война 1877–1878 годов). – Историк-марксист, 1940, № 7 (83), с. 77.
- ³⁵ Канцлер А. М. Горчаков. 200 лет со дня рождения. М., 1998, с. 329.
- ³⁶ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 201.
- ³⁷ Хевролина, В. М. Н. П. Игнатъев и А. М. Горчаков: два взгляда на решение балканской проблемы (вторая половина 60-х гг. XIX в.). – В: Россия и Болгария. К 125-летию русско-турецкой войны 1875–1878 гг. Сб. статей. М., 2006, с. 31.
- ³⁸ Государственный архив Российской Федерации. 1874, д. 545, л. 11 об. – 12.
- ³⁹ Маркс, К. Русская победа. – Позиция Англии и Франции. – В: Маркс, К., Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 9, с. 159.
- ⁴⁰ Кинросс, Лорд. Указ. соч., с. 562.
- ⁴¹ Восточный вопрос во внешней политике России..., 193–194.
- ⁴² Горянов, С. Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907, с. 280.
- ⁴³ Феоктистов, Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы. 1848–1896. Л., 1929, с. 67.
- ⁴⁴ Восточный вопрос во внешней политике России..., 196–197.
- ⁴⁵ Петросян, Ю. А. Младотурецкое движение..., 17–30; Он же. Русские на берегах Босфора (Исторические очерки). СПб., 1998, 142–143.
- ⁴⁶ Восточный вопрос во внешней политике России..., с. 198; Петросян, Ю. А. Русские на берегах Босфора ..., с. 143.